

УДК 81.00

ББК Ш141.01.2973

Д181

В. П. Даниленко

Иркутск, Россия

ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС И СИНТЕЗИС В ПОЭЗИИ А. А. БЛОКА

Статья посвящена анализу поэзии А. А. Блока с точки зрения представленности в ней тезиса («безумной любви»), антитезиса («отвращения от жизни») и синтезиса. Последний был всеобщим в дореволюционной поэзии А. А. Блока и революционно-христианским и евразийским – в послереволюционной.

Ключевые слова: Александр Александрович Блок, тезис, антитезис, синтезис, любовь, отвращение, поэзия, «Двенадцать», «Скифы».

V. P. Danilenko

Irkutsk, Russia

THESIS, ANTITHESIS AND SYNTHESIS IN ALEXANDER BLOK'S POETRY

This article is dedicated to the analysis of A. A. Blok's poetry from the viewpoint of how the thesis («mad love»), the antithesis («*disgust's* relation with *life*») and the synthesis of his poetry are represented there. The latter concept was universal in pre-revolutionary Blok's poetry and was considered to be revolutionary, Christian and Eurasian one in his post-revolutionary poetry.

Key words: Alexander Blok, thesis, antithesis, synthesis, love, disgust, poetry, «Twelve», «Scythians».

*И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь.*

А. А. Блок

Тезис: любовь

Семья матери, литература и Любовь Менделеева – вот главные источники любви Александра Александровича Блока (1880–1921) к жизни. Он писал в «Автобиографии»: «Детство моё прошло в семье матери. Здесь именно любили и понимали слово; в семье господствовали, в общем, старинные понятия о литературных ценностях и идеалах. Говоря вульгарно, по-верлэновски, преобладание имела здесь *éloquence* (красноречие. – *В.Д.*); одной только матери моей свойственны были постоянный мятеж и беспокойство о новом, и мои стремления к *musique* находили поддержку у неё. Впрочем, никто в семье меня никогда не преследовал, все только любили и баловали. Милой же старинной *éloquence* обязан я до гроба тем, что литература началась для меня не с Верлэна и не с декадентства вообще. Первым вдохновителем моим был Жуковский» [Блок, 1971, с. 92].

Из обожания Любы Менделеевой родилась первая книга А. А. Блока. Её автор вспоминал: «Серьёзное писание начиналось, когда мне было около 18 лет. Года три–четыре я показывал свои писания только матери и тётке. Всё это были лирические стихи, и ко времени выхода первой моей книги «Стихов о Прекрасной Даме» их накопилось до 800, не считая отроческих. В книгу из них вошло лишь около 100. После я печатал и до сих пор печатаю кое-что из старого в журналах и газетах. Семейные традиции и моя замкнутая жизнь способствовали тому, что ни строки так называемой «новой поэзии» я не знал до первых курсов университета» [Блок, 1971, с. 93].

Лейтмотивом к стихам о Прекрасной Даме у А. А. Блока стали такие строки:

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Всё в облике одном предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – *тоскуя и любя.*

У возмужавшего А. А. Блока появился новый источник «безумной любви» к жизни – Родина. Она стала для него второй женой:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

Нищета России делала любовь А. А. Блока к ней ещё сильнее:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, –
Как слёзы первые любви!

Антитезис: отвлечение

Недочеловечность окружающих, бессмысленность жизни и предчувствие катастрофы – вот главные источники отвлечения А. А. Блока от жизни.

В стихотворении «Друзьям» А. А. Блок недоумевал:

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!
Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главу преклонить!
Что делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума,
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!
Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что делать! Мы путь расчищаем
Для наших далёких сынов!

Широк человек! Сегодня он – Человек, а завтра – зверь. В 1916 г. А. А. Блок написал стихи о расчеловечении:

Вот – свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк...
Было время надежды и веры большой –
Был я прост и доверчив, как ты.
Шёл я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...
А теперь – тех надежд не отыщешь следа,
Всё к далеким звездам унеслось.
И к кому шёл с открытой душою тогда,

От того отвернуться пришлось...
Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участия у бедных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

Высший смысл своей жизни А. А. Блок видел в творчестве. Но этот смысл наткнулся на человеческую глупость.

Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?

Глупость не могли победить даже боги! Зачем же тогда писать книги?

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

Своею недочеловечностью люди обесмысливают жизнь. Остаётся одно:
жить для личного счастья.

Но счастья не было – и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений.

Жизнь без счастья рождает чувство безысходности:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.

Живи ещё хоть четверть века –

Все будет так. Исхода нет.

Жизнь без счастья рождает покорность, безверие и грусть:

Весь день – как день: трудов исполнен малых

И мелочных забот.

Их вереница мимо глаз усталых

Ненужно проплывёт.

Волнуешься, – а в глубине покорный:

Не выгорит – и пусть.

На дне твоей души, безрадостной и чёрной,

Безверие и грусть.

Жизнь без счастья превращает человека в живой труп. Но

Как тяжело мертвецу среди людей

Живым и страстным притворяться!

Но надо, надо в общество втираться,

Скрывая для карьеры лязг костей...

А. А. Блок мучился сознанием грядущей катастрофы:

Как часто плачем – вы и я –

Над жалкой жизнью своей!

О, если б знали вы, друзья,

Холод и мрак грядущих дней!

Надвигающаяся катастрофа представлялась А. А. Блоку великой грозой:

На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне...

Первый синтезис – всеобщий

Синтезис у дореволюционного А. А. Блока – это возвращение к тезису, обогащённому антитезисом. Как ни велика была в его дореволюционной поэзии стихия отращения от жизни, он всё-таки её преодолевал.

В 1907 г. поэт принимал жизнь во всей её полноте:

О, весна без конца и без краю –
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!..

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель – я знаю –
Все равно: принимаю тебя!

В 1912 г. поэт благословлял всё, что было в его жизни:

Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!

О, разум, сколько ты пылал!
Пускай и счастье, и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке –
Я не утратил прежний свет.

В 1914 г. А. А. Блок написал:

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжёлый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, –
Быть может, юноша весёлый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!*

В неоконченной поэме «Возмездие», работу над которой А. А. Блок начал ещё в 1910–1911 гг., мы видим тот же синтезис, который предполагает возвращение к тезису со снятым антитезисом, взятым во всей его полноте:

Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, – поймешь, где тьма.

Пускай же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нём грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.

Второй синтезис – революционно-христианский

В поэмах «Двенадцать» и «Скифы», написанных в январе 1918 г., тезис и антитезис в своей сущности остаются у А. А. Блока прежними. В первом из них – «безумная любовь» к жизни, а во втором отвращение от неё. Однако их синтезис оказывается в первой из этих поэм революционно-христианским, а во второй – евразийским.

Тезис поэмы «Двенадцать» – «безумная любовь» к революции, ведущей к свержению старого мира. Почему эта любовь безумна? Потому что революция несёт кровь. Но А. А. Блок призывает красноармейцев:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнём-ка пулей в Святую Русь –
В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!
Эх, эх, без креста!

Антитезис поэмы «Двенадцать» – отвращение к старому (буржуазному) миру. Ненависть к этому миру достигает у её автора такого накала, что он отменяет его почти целиком. В синтезисе остаётся только прежняя нравственность – христианская. Она соединяется с революцией. Вот почему синтезис этой поэмы может быть охарактеризован как революционно-христианский. Вот почему красноармейцы в этой поэме следуют за Христом.

...Так идут державным шагом,
Позади – голодный пёс,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.

Христос здесь олицетворяет вовсе не религию, а мораль. Что касается отношения А. А. Блока к Иисусу Христу как богу, то мы можем о нём догадываться по задуманной им пьесе об основателе христианской религии. Он думал о ней в то самое время, когда шла интенсивная работа над поэмой «Двенадцать».

В своём дневнике А. А. Блок оставил запись, которая свидетельствует о том, что его автор собирался написать пьесу на евангелический сюжет. Иисус в ней должен был бы предстать в следующем виде: «не мужчина, не женщина» (что бы это значило?), «художник. Он всё получает от народа (женская восприимчивость). «Апостол» брякнет, а Иисус разовьёт», «задумчивый и рассеянный, пропускает их разговоры сквозь уши: что надо, то в художнике застрянет» [Блок, 1971, с. 322–323: 7 января 1918]. Об апостолах в свою очередь сказано: «Апостолы воровали для Иисуса (вишни, пшеницу). Их стыдили... Иисуса арестовали. Ученики, конечно, улизнули... Остальное – судебная комедия» [Там же].

Даже и этих беглых строчек достаточно, чтобы увидеть, что А. А. Блок собирался представить евангелический сюжет в далеко не боговдохновенном духе. В этом нет ничего удивительного: его переосмысление он собирался осуществить по книге Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса» (1860). В этой книге француз-

ский учёный шаг за шагом демифологизирует ортодоксальные представления о жизни Иисуса Христа. Большая часть из них, с его точки зрения, – вымысел евангелистов.

Третий синтезис – евразийский

Тезис поэмы «Скифы» – «безумная любовь» к России. Эта любовь безумна, поскольку ради самобытности её исторического пути автор этой поэмы готов видеть в русских наследниках диких племён скифов.

Антитезис поэмы «Скифы» – отвращение от холопского отношения к Европе. Обращаясь к европейцам, А. А. Блок восклицает:

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,

С раскосыми и жадными очами!

Для вас – века, для нас – единый час.

Мы, как послушные холопы,

Держали щит меж двух враждебных рас

Монголов и Европы!

Синтезис поэмы «Скифы», вместе с тем, – евразийский. С одной стороны, её автор заявляет о том, что кончилось время, когда Россия выступала щитом для Европы от нападения варваров, а с другой стороны, он не отвергает союза с нею.

С одной стороны, он предупреждает европейцев:

Мы очищаем место бою

Стальных машин, где дышит интеграл,

С монгольской дикою ордою!

Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

С другой стороны, мы, русские со «своею азиатской рожей», продолжаем любить европейскую культуру:

Мы любим всё – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё – парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Поэт взывает и предупреждает:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!

А если нет, – нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века – вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Почти 100 лет прошло, как появились эти строки. Но за этот век мало что изменилось. Между Россией и Европой (шире – Западом) всё остаётся по-прежнему. По-прежнему актуальны слова А. А. Блока, которыми он закончил поэму «Скифы»:

В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Только одна поправка: старый мир вернулся в новую Россию. С этой поправкой тезис, антитезис и синтезис, имеющийся у А. А. Блока, приобретает весьма актуальный смысл.

Современные люди остаются в большинстве своём невежественными, ненасытными, жадными, трусливыми, продажными, неблагодарными, жестокими, безучастными и т. д., и т. д. Из них по-прежнему выглядывает обезьяна. К. И. Чуковский вспоминал о таком диалоге с поэтом:

««— Я закрываю глаза, чтобы не видеть этих обезьян», – сказал он мне однажды в трамвае.

— Разве они обезьяны?

— А вы разве не знаете? – сказал он со скукой. Он называл их самым страшным ругательным словом, какое только было в его словаре: *буржуа*» [Чуковский, 1967, с. 68].

Библиографический список

1. *Блок А. А.* Собрание сочинений в шести томах. Том 6 [Текст] / А. А. Блок. – М.: Правда, 1971. 400 с.
2. *Чуковский К. И.* Современники. Портреты и этюды [Текст] / К. И. Чуковский. – М.: Молодая гвардия, 1967. 592 с.

References

1. Blok A. (1971). Collected works in six volumes. Volume 6 [Text] / A. A. Blok. – Moscow: Pravda, 1971. 400 p. (In Russian).
2. Chukovsky K. I. (1967). Contemporaries. Portraits and sketches [Text] / K. I. Chukovsky. – Moscow: Molodaya gvardiya, 1967. 592 p. (In Russian).